

Июнь 1941: трагедия, которой могло не быть

В. Б. Маковский*

По сей день широкая общественность страны не утратила интерес к трагическим, а порой и катастрофическим для Красной армии событиям начала Великой Отечественной войны. Причинам поражений и неудач советских войск посвящено громадное количество книг и публикаций. К сожалению, среди них немало разного рода фальсификаций, измышлений или слишком вольных трактовок. Как правило, с приближением очередной знаменательной даты, связанной с Великой Отечественной войной, в российском обществе наблюдается неожиданный всплеск острых исторических дискуссий на эту тему. Казалось бы, чем дальше в прошлое уходят от нас события 1941 г., тем спокойнее должно реагировать на них общество. Но ничуть не бывало, до этого еще очень далеко. А, может, в этой эскалации исторических споров есть своя неумолимая логика?

Давно известно, что процесс переосмысления крупных исторических событий продолжается бесконечно. Ведь для конструирования желаемого будущего использование исторического материала практически неизбежно. Сегодня мы как раз и переживаем очередной этап переоценки отечественного исторического опыта. И в этой связи тяжелые испытания, обрушившиеся на нашу страну летом 1941 г. в связи с началом войны, вновь оказываются в эпицентре этого процесса.

Действительно, поражения начального периода войны могло и не быть, а его последствия были бы не столь трагичными, если бы не мно-

гочисленные серьезные просчеты, допущенные еще в предвоенные годы. Сегодня в военно-исторической литературе рассматривается много различных причин, которые обусловили поражения советских войск в приграничных сражениях. Прежде всего это неправильная оценка высшим военно-политическим руководством страны характера начального периода войны, недооценка стратегической обороны и нерешенность вопросов стратегического управления Вооруженными Силами. К этому следует добавить незавершенность оперативно-стратегического и мобилизационного планирования, отсутствие боевого опыта у командных кадров, недостаточная укомплектованность соединений и частей личным составом и военной техникой, просчеты в базировании авиации и материальных запасов и т. д.

Хотя все эти причины и обстоятельства сыграли негативную роль, но, на наш взгляд, не они оказались решающими. Основная причина неудач кроется в том, что советское военно-политическое руководство не смогло вскрыть общий стратегический замысел противника и определить направление его главного удара, а также установить точную дату нападения Германии на нашу страну. Причем оно не смогло даже ориентировочно предположить силу главного удара противника на избранных им направлениях. Более того, в период нарастания военной угрозы не были предприняты адекватные меры в ответ на потенциально агрессивные устремления вермахта, а отсюда вытекала нерешительность

---

* Валерий Борисович Маковский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

в заблаговременном приведении войск западных приграничных округов в боевую готовность. Здесь необходимо подчеркнуть, что на эти и другие причины исследователи многих военно-исторических трудов и мемуаров неоднократно обращали внимание. Тем не менее, не лишне еще раз проанализировать их с учетом того, что в последние годы значительно расширился доступ к архивным документам, появилось множество новых материалов и источников.

Если внимательно, не растворяясь в частности, взглянуть на события, происходившие накануне войны, то возникает больше вопросов, чем ответов на них. Например, имело ли военнополитическое руководство СССР обоснованные разведывательные данные, позволявшие ему вскрыть истинные стратегические планы Германии? Почему оно просчиталось в определении срока германского нападения? В чем причина промедления в создании необходимой группировки войск и приведении ее в боевую готовность и т. д.?

Для того чтобы ответить на вышеперечисленные вопросы, необходимо, на наш взгляд, прежде всего обратиться к архивным документам, а именно: к соответствующим разведывательным донесениям, поступавшим в Кремль, и выяснить, насколько там были информированы о планах Германии.

Даже краткий анализ доступных документов и источников позволяет отметить, что советская разведка предоставила высшему руководству страны немало ценных сведений по вопросам подготовки Германии к нападению на СССР. Общий объем такой информации исчисляется сотнями сообщений. К сожалению, порой достоверность их была весьма относительной в связи с высокоэффективными мерами германских спецслужб по сохранению секретности. В результате нашим разведчикам так и не удалось добыть конкретные оперативно-стратегические документы, подтверждающие подготовку вермахта к нападению на Советский Союз. Это положение можно всецело подтвердить, проанализировав все 38 документов по данной проблеме, помещенных в труде «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Так, практически всю информацию об агрессивных устремлениях Германии наши разведчики получали в основном от знакомых гражданских специалистов, работающих в различных министерствах и ведомствах Германии, а также от генералов и офицеров штаба Верхов-

ного командования в ходе личных бесед и разговоров с ними. Например, «...из разговоров с офицерами штаба узнал, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза». Или: из беседы «со своим другом, который работает в отделе Министерства авиации... получил сведения, что акция против Советского Союза совершенно определена и нападение последует в скором времени». Однако далее следовала запись, что «...наш агент за достоверность этих данных не ручается», которая говорила о многом¹.

И разведывательное управление Генерального штаба РККА не смогло своевременно вскрыть планы и стратегические замыслы верховного командования Германии. По причине недостатка информации, о военных приготовлениях Германии начальник разведывательного управления Красной армии генерал Ф. И. Голиков вынужден был 3 июня 1941 г. обратиться в Наркомат КГБ СССР с просьбой об оказании помощи. Он просил руководителей Наркомата выяснить и уточнить вопросы относительно «общей численности германской армии, организационно-штатной структуры войск; наличия бронетанковой техники и боевой авиации... и самое главное предоставить сведения «... о планах военных операций против СССР»².

В этот период, видимо, не случайно в плане Генерального штаба Красной армии «О стратегическом развертывании Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке», разработанном в марте 1941 г., было записано: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по западу, так и по востоку Генеральный штаб Красной армии не располагает»³.

Советская разведка сразу же после окончания военных действий вермахта на Западном фронте стала информировать высшее руководство страны относительно сосредоточения германских войск на западных границах СССР. Причем заблаговременно установила их переброску на восток. Уже в начале июля 1940 г. она сообщала, что «после капитуляции Франции германское командование приступило к массовой переброске своих войск с запада на восток...»⁴. Однако выявить весь процесс наращивания германских войск в непосредственной близости от нашей западной границы не смогла, что в свою очередь затрудняло советскому военному руководству возможность оценить угрозу самого нападения Германии на нашу страну и определить

его цели. Так, генерал П. И. Ивашутин, с 1963 г. по 1987 г. занимавший должность начальника Главного разведывательного управления, писал, что только непосредственно накануне агрессии «... советской разведке удалось наиболее точно установить количественный состав группировки войск противника, сосредоточенной на нашей госгранице: 191 дивизия, из них немецких — 146. По немецким данным, 199 и 154 дивизии соответственно»⁵.

Хотя наша разведка постоянно отслеживала наращивание войск противника на западной границе СССР, ее данные почему-то не вызвали у советского руководства обостренного чувства тревоги. Причина, видимо, в соответствующих докладах, что поступали И. В. Сталину от руководителей советской разведки и в том числе от начальника разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерала Ф. И. Голикова. Например, в конце марта 1941 г. он в своем известном докладе «... варианты боевых действий германской армии против СССР» делает следующий вывод: «... наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией...»⁶. За три недели до начала войны он, анализируя общее состояние группировки немецких войск, пишет в выводах, что Германия сначала осуществит «главную операцию против английских островов» и только затем нападет на СССР⁷.

Вопрос о возможных сроках нападения Германии на СССР был постоянно в поле зрения советской внешней разведки. Поток информации по данной проблеме особенно усилился с середины декабря 1940 г., после утверждения Гитлером плана «Барбаросса». С этого времени вплоть до нападения Германии на СССР наша разведка сообщила об 11 различных его сроках. Генерал П. И. Ивашутин в своей статье пишет, что 31 декабря 1940 г. она доносила «... из Бухареста: война начнется весной следующего года... 19 марта 1941 года — из Берлина: нападение планируется между 15 мая и 15 июня 1941 года... 1 июня 1941 года — из Токио: начало войны — вторая половина июня... и т. д.»⁸. Следует признать, что сделать какие-то объективные выводы из таких противоречивых сообщений просто невысказано.

В подавляющем большинстве разведывательных донесений прямо говорилось об ударе вермахта в направлении Киева, о захвате Украины и Кавказа. Так, в марте 1941 г. наша разведка

сообщала: «... германский генеральный штаб убежден, что Германия в состоянии захватить Украину и Кавказ, вплоть до Баку, за две-три недели»⁹. В других разведывательных сводках, кроме удара на Киев, сообщалось о запланированных вермахтом вспомогательных ударах в Прибалтике и Западной Белоруссии. Сводки о переброске немецких войск к границам СССР содержали сведения о том, что большая по численности группировка сосредотачивается на киевском направлении. Как тут можно сделать какие-либо определенные выводы на основании этой разведывательной информации?

В то же время можно предположить, что на принятие советским руководством решения о размещении главной группировки наших войск на юго-западном направлении частично повлияла информация, поступавшая от разведывательных органов и других «заслуживающих доверия источников». В последующем она нашла отражение в оперативно-стратегических планах СССР и затем реализовывалась на практике. В связи с этим сегодня, по нашему мнению, преждевременно говорить о том, что военнополитическое руководство страны имело все возможности сделать правильные выводы из имевшейся в его распоряжении информации.

Для более полного ответа на поставленные выше вопросы необходимо хотя бы кратко проанализировать разработанные непосредственно накануне войны оперативно-стратегические планы СССР, так как именно их документальная основа позволяет определить, как намеривалось советское руководство реализовать стратегический замысел в случае войны. Для этого необходимо выяснить предполагаемый характер ее ведения на начальном этапе и тем самым понять, насколько предпринимаемые советским военно-политическим руководством действия соответствовали реальной обстановке. А главное — выяснить, не в них ли заключается одна из основных причин трагедии начального этапа войны?

Ни для кого не секрет, что в вопросе определения оперативно-стратегических замыслов противника главное — это выявить направление его главного удара, установить группировку войск с тем, чтобы не только определить силу первоначального удара на избранных врагом направлениях, но и возможный порядок его дальнейших стратегических действий. Поэтому при анализе основных оперативно-стратегических документов, разработанных накануне

войны в Генеральном штабе, основное внимание необходимо сосредоточить именно на этих вопросах.

По роду своей служебной деятельности в Генеральном штабе автору данной статьи приходилось неоднократно обращаться к этим документам при подготовке различных справок для руководства. Поэтому с полным основанием можно пояснить, что соответствующие «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР...», к которым часто обращаются исследователи, подтверждая или опровергая свои выводы, — это всего лишь замысел оперативно-стратегического плана. К нему прилагается масса всевозможных документов, позволяющих наиболее полно раскрыть истинный смысл отдельных положений основного документа. И эту особенность исследователям необходимо обязательно учитывать в своей работе.

Даже после краткого анализа разработанных Генеральным штабом планов можно с полной уверенностью утверждать, что в предвоенные годы военно-политическое руководство страны в целом правильно оценивало создавшуюся военно-политическую обстановку и в будущей войне верно определяло западное стратегическое направление в качестве главного фронта. В соответствии с общим замыслом отражения нападения противника намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки войск на западе. Все зависело от той международной обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны. В одном случае главная группировка могла быть развернута к югу от Брест-Литовска, а в другом — к северу от него. В тот период Генеральный штаб считал, что основной удар противник направит севернее Бреста, а потому предлагал главные силы Красной армии развернуть севернее Польесья. В докладе его руководства подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и более вероятным является вариант... с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»¹⁰.

Как вспоминал маршал А. М. Василевский, при рассмотрении представленного Генеральным штабом плана И. В. Сталин высказал такую точку зрения по поводу наиболее вероятного направления главного удара противника: «Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-гер-

манской границы, а на юго-западе с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы». В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении¹¹. Доработанный вариант плана (южный) был утвержден высшим руководством страны еще 14 октября 1940 года. Одновременно было решено разработать и другой вариант — северный. По нему главную группировку советских войск предстояло развернуть в полосе Западного и Северо-Западного фронтов. Исходя из этой установки Сталина при разработке новых планов главная группировка советских войск по-прежнему размещалась в составе Киевского особого военного округа.

Таким образом, Генеральный штаб планировал развернуть главную группировку войск к югу от Брест-Литовска, т. е., как оказалось, против не основных сил противника. Чем же было мотивировано такое решение? Только ли установкой И. В. Сталина? Почему маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах признает ошибочным размещение главных сил на юго-западном направлении? Вот что он пишет по этому поводу: «...весной 1941 года (февраль–апрель) мы этот просчет полностью не исправили и не запланировали на западное направление большее количество сил»¹².

А ведь в случае благоприятного для Красной армии развития событий на начальном этапе войны последующий ее переход в наступление на юго-западном направлении проходил бы по слабо подготовленной в оборонительном отношении территории бывшей Польши. Это позволило бы в короткие сроки изолировать главного противника от его союзников. А это в свою очередь имело бы важное международное значение. Поэтому данный замысел в своей основе никак нельзя признать нецелесообразным. На наш взгляд, именно это очевидное стратегическое преимущество было для советского военно-политического руководства самым веским аргументом при размещении основных сил на юго-западном направлении. Поэтому в тот период оно и не придавало особого значения определению места нанесения главного удара противником. Более того, оно было абсолютно уверено, что в случае агрессии войска западных приграничных округов смогут имевшимися силами остановить противника, даже в том случае,

если его войска сумеют вклиниться на нашу территорию на глубину до 120 км.

Такие выводы подтверждают и материалы оперативно-стратегических игр, которые проводились в январе 1941 г., после декабрьского совещания высшего командного состава Красной армии. Основная цель игры заключалась в том, чтобы «проработать и усвоить основы современной наступательной операции фронта и армии...»¹³. В ходе ее оперативно-стратегический замысел основывался на идее нанесения мощного контрудара, но вопросы, непосредственно связанные с отражением агрессии, т. е. организацию и ведение оборонительных операций в начальном периоде войны, организаторы не отрабатывали. Тем более не рассматривали возможность нанесения противником внезапного удара. Этим вопросам тогда просто не придавалось должного значения. Именно в этом и состоит стратегическая ошибка советского руководства и военного командования.

Дальнейший анализ планов, разработанных Генеральным штабом, позволяет сделать еще один вывод: накануне агрессии он совершенно необоснованно игнорировал реально складывавшуюся обстановку на западной государственной границе. А ведь там, с одной стороны, были сосредоточены стратегические группировки врага в полной готовности к наступлению, а с другой — советские войска, не завершившие развертывание. В своих расчетах Генеральный штаб по-прежнему исходил из того, что в угрожаемый период даже армиям прикрытия будет предоставлено определенное время на приведение в боевую готовность и отмотилизование. Позднее маршал Жуков писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными»¹⁴.

Как известно, недооценка советским военным руководством изменившегося характера начального периода войны, а также реально складывавшейся обстановки, когда немецкие

войска упреждали Красную Армию в стратегическом и оперативном развертывании, имела самые тяжелые последствия для советских войск при отражении агрессии.

Разница вступления в войну вооруженных сил Германии и СССР становится особенно заметной, если попытаться сравнить их действия по созданию соответствующих группировок войск. Известно, что к июню 1941 года вооруженные силы Германии были полностью отмотилизованы, а экономика и государственный аппарат перестроены в соответствии с требованиями войны. К тому же наращивание германских группировок на границе Советского Союза происходило в стремительном темпе. В полосе западных военных округов противник развернул 153 свои дивизии и все выделенные для нападения силы стран-сателлитов, т. е. всего 190 расчетных дивизий. Для их всестороннего материально-технического обеспечения вермахт имел к началу 1941 года 187 складов¹⁵.

В первом эшелоне Германия развернула против Советского Союза 77 % пехотных дивизий, 90 % танковых, 94 % моторизованных дивизий и 100 % самолетов, оставив в резерве до 12 % имевшихся в ее распоряжении сил и средств. Таким образом, с первых же часов войны в удар по советским войскам вермахт вкладывал основную мощь.

В группировку советских войск были включены: в состав армий первого эшелона 43 % дивизий (против 77 % у противника), 25 % входило в состав вторых эшелонов округов (фронтов), а 32 % составляли резерв Главного командования. Обе стороны развернули свои главные силы, но у советского командования они были развернуты на фронте до 2800 км и в глубину до 500 км. Рассредоточение на столь большом пространстве такой стратегической группировки не было обеспечено своевременным развертыванием и оперативно-стратегическим взаимодействием.

В соответствии с оперативно-стратегическим планом советского командования в первом эшелоне армий прикрытия планировалось иметь 63 дивизии и 2 бригады. Как мы видим, это было в два раза меньше, чем у противника, т. е. на одну дивизию в среднем приходилось 80 км участка прикрытия. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия, остальные 45 дивизий составляли резервы округов или их вторые эшелоны.

К 22 июня 1941 года в полосе западных приграничных округов группировка советских

войск находилась в следующем положении и состоянии. В Прибалтийском особом военном округе на государственной границе — на фронте 165 км к началу войны находились всего 15 стрелковых батальонов. Остальные войска располагались в пунктах дислокации мирного времени, летних лагерях или были частично приведены в боевую готовность. Отдельные соединения только начали выдвижение в свои районы согласно плану прикрытия. Механизированные корпуса находились в районах боевого предназначения. Штабы армий и корпусов располагались на полевых командных пунктах в готовности с началом боевых действий взять на себя управление войсками. Всего командованию округа из 25 дивизий, имевшихся в его составе, удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий и 2 механизированных корпуса¹⁶.

В Западном особом военном округе войска первого и второго эшелонов армий прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации, а непосредственно на границе — только пограничные войска. Здесь же строительством укрепленных районов занимались инженерные части и подразделения, не имевшие оружия, а также специально выделенные стрелковые войска из дивизий первого эшелона. Всего в округе насчитывалось 8 стрелковых, 6 механизированных корпусов и кавалерийский корпус, в составе которых было 44 дивизии.

В Киевском особом военном округе войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, располагались в местах постоянной дислокации, на полигонах, стационарных, временных лагерях или находились на марше. Всего округ имел 58 дивизий, которые входили в состав 11 стрелковых, 8 механизированных корпусов и кавалерийского корпуса.

В Одесском военном округе войска прикрытия оставались в пунктах постоянной дислокации. Всего в округе было четыре стрелковых, два механизированных и один кавалерийский корпус, в которых насчитывалось 26 дивизий.

Во всех особых военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы некоторых стрелковых дивизий проводили на артиллерийских полигонах стрельбы по учебному плану.

К началу войны командования западных военных округов не успели создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска, оставаясь в штатах мирного времени,

имели большой некомплект в личном составе, транспортных средствах, средствах связи и т. д. Полная боевая готовность не была достигнута. Поэтому противник, завершив развертывание, получил возможность громить советские войска по частям.

Из 108 дивизий войск прикрытия, предназначенных действовать в первом эшелоне своих объединений, вооруженный отпор агрессору смогли оказать в первые часы войны лишь около 40 не полностью отмотобилизованных дивизий. Причем только 25 дивизий успели занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Остальные войска находились в своих пунктах постоянной дислокации, в лагерях или на марше.

Кроме того, так как мы уступали противнику в пропускной способности железных и шоссейных дорог, войска второго стратегического эшелона Красной армии только начинали сосредоточение в назначенных им районах. На 5-й день мобилизации в районах оперативного предназначения смогли сосредоточиться всего 17 стрелковых дивизий, на 10-е сутки — 24, на 20-е сутки — 46 и лишь на 35-е сутки — 75 дивизий. Таким образом, группировку войск, способную перейти к активным, в том числе и наступательным действиям, можно было создать только на 35-е сутки. Иными словами, даже при одновременном начале перегруппировок противник имел все условия упредить советские войска, что позволяло ему захватить инициативу и создать предпосылки для успешных военных действий в начальном периоде войны. А с учетом того обстоятельства, что войска вермахта уже были полностью отмотобилизованы и содержались по штатам военного времени, то они имели по отношению к советским войскам подавляющее превосходство.

Следует заметить, руководство Генерального штаба к середине мая 1941 года, сделав вывод, что Германия, полностью отмотобилизовавшая свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза с развернутыми тылами, наконец осознало, что время упущено. Следовательно немедленно предпринять кардинальные меры по отражению готовящегося удара противника и обеспечению стратегического развертывания Красной армии. Этот стратегический просчет так и не удалось исправить до начала войны.

Маршал А. М. Василевский, говоря о причинах поражения Красной армии в начале войны, признавал ошибку Генерального штаба, допущенную им в отношении сроков, необходимых

для сосредоточения и развертывания советских войск. По его мнению, «это не сыграло бы существенной роли, если бы план своевременно был приведен в действие»¹⁷. Другими словами, Василевский полагал, что если бы войска западных приграничных округов были заблаговременно приведены в боевую готовность и своевременно заняли свои районы обороны по плану, то развернувшиеся с началом агрессии боевые действия не были бы для нас столь трагичными.

Постигшие Красную Армию неудачи в начале войны заставляют задуматься над тем, какие же действия были бы оптимальными в период непосредственно предшествовавшей войне. Конечно, если рассуждать с точки зрения ведения «нормальных» оборонительных операций, то в начальном периоде войны было бы выгоднее прикрыться предпольем (полосой обеспечения), а главную полосу обороны создать в глубине. По свидетельству маршала С. С. Бирюзова, такое предложение Б. М. Шапошников высказывал И. В. Сталину. Он предлагал еще весной 1940 года, когда к СССР были присоединены новые территории, оставить главные силы Красной армии восточнее старой границы, на которой уже были построены хорошо укрепленные рубежи обороны, а на новых территориях иметь лишь подвижные войска вместе с сильными инженерными частями заграждения. По мнению Шапошникова, в случае нападения агрессора они будут вести сдерживающие боевые действия от рубежа к рубежу, благодаря чему удастся выиграть время для отоборонения и создания группировок главных сил на линии старой границы. Однако Сталин, считавший, что ни одной пяди своей земли не должно быть отдано врагу, отклонил это предложение. В итоге укрепленные районы строились непосредственно на новой государственной границе¹⁸.

Если рассуждать с позиций сегодняшних знаний, то в условиях, когда возможность нападения Германии на СССР становилось все очевиднее, что у советского военно-политического руководства был в сложившейся обстановке один, на наш взгляд, возможный вариант решения. Это завершение стратегического развертывания, приведение войск в полную боевую готовность, занятие ими назначенных оборонительных рубежей, проведение оборонительных операций с целью отражения и срыва агрессии противника и переход в контрнаступление, как это и было предусмотрено практически всеми предвоенными оперативно-стратегическими

планами. Но этот путь Сталин отверг, боясь спровоцировать нападение Германии и надеясь отсрочить начало войны. Возможно, в этом случае было бы выгоднее главные силы Красной армии разместить в полосе Западного фронта. Такой способ стратегических действий рассматривался как запасной вариант (северный), но практически он никак не был реализован, поэтому о целесообразности сосредоточения основных сил Красной армии на этом направлении можно судить только в качестве предположения.

История не терпит сослагательного наклонения, и все же давайте задумаемся: как развивались бы события, если бы основные силы советских войск размещались в составе Западного особого военного округа? Смогли бы они, располагая значительным составом сил и средств, но не приведенные в боевую готовность, к тому же находящиеся в положении мирного времени, отразить агрессию?

Как уже указывалось, к середине июня 1941 года германское командование, упредив советские войска в стратегическом развертывании, заложило надежные основы для успешного проведения операций начального периода войны. В первый удар по советским войскам предполагалось вложить всю мощь вермахта. Это обстоятельство, должным образом не учтенное в советских оперативно-стратегических планах, во многом предопределило неожиданные для советских войск условия вступления в войну. Маршал Жуков в своих мемуарах писал: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался»¹⁹. И далее он еще раз подчеркивает ту же мысль: «...мы не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»²⁰.

Архивные документы свидетельствуют, что на направлении своего главного и вспомогательных ударов противник сумел создать значительное превосходство над войсками западных приграничных военных округов. Так, на гродненском направлении, где противник наносил свой главный удар, на смежных флангах Северо-Западного и Западного особых военных округов, на фронте в 220 км против 15 наших

дивизий противник развернул 33 своих, из них 13 танковых и моторизованных дивизий. На этом же участке противник превосходил советские войска по личному составу в 3,7 раза, по артиллерии — в 2,8 раза и более чем 1,3 раза по танкам. На направлениях вспомогательных ударов: брестско-барановичском направлении, в полосе Западного особого военного округа, на 100-километровом участке, от Мельника до Славатиче, у врага было развернуто 15 дивизий, из них 5 танковых, против наших 7. На этом участке противник превосходил советские войска в личном составе в 3,7 раза, по артиллерии — в 2,8 раза, по танкам — почти 1,5 раза. На житомирском направлении, в полосе Киевского особого военного округа, на фронте в 75 км противник сосредоточил 19 дивизий, из них 9 танковых и моторизованных против наших 9 дивизий и достиг преимущества в личном составе в 3,4 раза, в артиллерии — в 3,6 раза, в 4,6 раза по танкам²¹.

Таким образом, даже краткий сравнительный анализ состояния вооруженных сил Германии и СССР, особенно на направлении главного удара вермахта, позволяет сделать вывод о том, что возможное сосредоточение основной группировки советских войск в полосе Западного фронта все равно не способствовало бы успешному разгрому противника на этом направлении. А их реальное размещение на этом направлении, на наш взгляд, поставило бы на грань катастрофы не только все войска западных приграничных округов, но и предопределило бы еще более тяжелые условия вступления в сражения войск второго стратегического эшелона Красной армии.

Для более глубокого понимания причин поражения советских войск в начальный период войны следует хотя бы кратко проанализировать построение группировок войск, развернутых вдоль границ Советского Союза на западных стратегических направлениях — северо-западном, западном и юго-западном.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что на всех трех направлениях противник добился существенного превосходства над войсками армий прикрытия, обеспечив, таким образом, возможность быстрого прорыва обороны советских соединений и развития наступления в глубину. По этой причине, а также вследствие незавершенности развертывания армий и фронтов, подавляющего превосходства противника на избранных им направлениях

наступления, достигнутой войсками вермахта внезапности, отсутствия в глубине подготовленных оборонительных рубежей первые оборонительные операции приняли далеко не тот вид, который рисовался в воображении советского командования. Вместо прикрытия госграницы пришлось вести обычную оборону против главных сил противника. К такому повороту событий советские войска не были готовы.

Война, как известно, началась не так, как предполагало советское командование, — отсутствовал так называемый угрожаемый период, который предшествовал всем войнам прошлого. С началом войны в крайне тяжелом положении оказались соединения и части первого эшелона армий прикрытия западных приграничных округов. Поднятые по тревоге утром 22 июня, они сразу же подверглись ударам авиации, артиллерии и массированному натиску наземных ударных группировок противника. Оказавшись под воздействием артиллерийского огня и ударов авиации противника, большинство соединений и частей армий прикрытий не смогли организованно покинуть места расквартирования и своевременно занять оборону. Вместо планомерного занятия заранее оборудованных позиций, они вынуждены были с боями пробиваться в предназначенные им полосы обороны. Решить эту задачу удавалось далеко не всегда. Этим войскам приходилось занимать оборону на не оборудованной в инженерном отношении местности. Вести боевые действия на широком фронте, который в два-пять раз превосходил нормативные показатели, а стремление командующих (командиров) во что бы то ни стало выйти в свои районы оперативного назначения, нередко уже захваченные врагом, только усугубляло положение советских войск, приводило к большим потерям.

Тем не менее, отдельным соединениям все же удавалось занять предназначенные им полосы. Например, в полосе Юго-Западного фронта из десяти соединений первого эшелона 5-й, 6-й и 26-й армий четыре стрелковые дивизии сумели занять рубежи в соответствии с планами прикрытия. Между этими и остальными соединениями образовались большие разрывы. Так, между соседними 87-й и 124-й стрелковыми дивизиями разрыв составил 20 км, а между 124-й стрелковой и 3-й кавалерийской — 15 км. Именно сюда и устремились ударные силы врага. Уже в первый день в полосе 5-й армии он

прорвался шестью пехотными и танковой дивизиями на глубину 30 км. Разрывы возникли и между другими соединениями. Поэтому большинство дивизий первого эшелона вынуждены были вести боевые действия изолированно друг от друга.

Такое тяжелое положение сложилось для войск прикрытия, прежде всего потому, что к началу войны советскому командованию так и не удалось создать планируемой группировки, предусмотренной предвоенным планом и привести войска в боевую готовность к отражению агрессии. В связи с чем, к началу агрессии соединения армий прикрытия располагались по эшелонно, на определенном удалении от государственной границы. Так, в полосе Западного фронта, например, 22 июня в первом эшелоне 3-й, 4-й и 10-й армий располагалось 13 дивизий. Они находились на удалении 15–40 км от государственной границы. Механизированные корпуса, составляющие второй эшелон этих армий, располагались в районах, которые находились от границы в 50–100 км. Во фронтовом резерве находилось 18 дивизий, которые располагались от государственной границы на удалении 100–400 км. В таких условиях ударные группировки противника сравнительно легко преодолевали такую оборону и к исходу четвертого дня войны они сумели продвинуться в глубь советской территории до 200–250 км.

К тому же многие армии имели широкие полосы обороны при сравнительно низкой плотности сил и средств. В связи с этим, уже в начале агрессии первые армейские оборонительные операции складывались из боевых действий в тактической зоне обороны и боев в оперативной глубине. При этом продолжительность боев в той или иной зоне зависела от степени готовности каждой армии к боевым действиям и от прикрываемого направления. В полосах 11-й армии Северо-Западного фронта, которая оказалась на направлении главного удара противника и 4-й армий Западного фронта находившейся на направлении вспомогательного удара врага, борьба в тактической зоне завершилась в первый день войны, а в оперативной зоне — к 24 июля. На третьи сутки войны соединения этих армий вели бои в 110–130 км от границы. В других армиях лишь отдельные соединения оказались на направлениях главных ударов противника. Так, на Северо-Западном фронте, в полосе 8-й армии — только 125-я стрелковая дивизия, а в полосе 3-й армии Западного фрон-

та — только 56-я стрелковая дивизия. Оборона указанных дивизий была прорвана противником в первые же сутки, который продвинулся к востоку от границы на 20–30 км. На других направлениях советские войска либо вели боевые действия на границе, либо отошли от нее на 5–10 км. Первые оборонительные операции этих армий завершились 25–26 июня, т. е. через четверо-пятеро суток после начала войны. В последующем они отходили на восток, ведя боевые действия в окружении, или оборонялись совместно с фронтовыми резервами в 50–90 км от государственной границы.

Боевые действия в приграничных сражениях, несмотря на всю трагичность положения, сложившегося для советских войск, характеризовались высокой их активностью, выразившейся в нанесении многочисленных контратак и контрударов. Основу контрударных группировок, как правило, составляли механизированные корпуса. Армейские контрудары, которые проводились в первые трое суток в 15–35 км от госграницы, не достигли той цели, которая была поставлена, практически все они были проведены неудачно. Причина в том, что в своем большинстве германские ударные группировки избегали вступать в бой с советскими танковыми соединениями, стремились их обходить и продолжали двигаться на восток с целью выполнения ближайшей стратегической задачи.

Советским механизированным корпусам приходилось вести бои в основном с пехотными соединениями противника, хорошо оснащенными противотанковыми средствами и артиллерией и поддерживаемыми авиацией. Зачастую контрудары они наносили разрозненными силами по превосходящим группировкам врага. Так, 14-й механизированный корпус в контрударе, который готовился 4-й армией, в 1,5 раза уступал танковой группировке противника, а скованный боями 28-й стрелковый корпус должен был переходить в атаку против пяти немецких пехотных дивизий.

Во многих случаях контрудары наносились по слабо разведанным, а главное — более сильным и лучше управляемым группировкам врага. Отсутствие опыта и слабая сколоченность штабов, а также частое нарушение связи не позволяли иметь достоверные сведения о положении и характере действий своих войск. Все это затрудняло принятие решения и постановку соединениям боевых задач. По существу,

взаимодействие между войсками отсутствовало. Например, 27 июня на южную окраину Дубно в ходе контрудара вышли части 34-й танковой дивизии 8-го механизированного корпуса. На несколько часов раньше к Дубно с севера и северо-востока прорвались соединения 19-го механизированного и 36-го стрелкового корпусов. Вышедшие к Дубно с разных направлений советские войска так и не смогли установить между собой связь и организовать совместные действия. В результате овладеть районом Дубно им не удалось.

Первые оборонительные операции фронтов и армий, которые начинались сразу же после внезапного нападения противника, отличались высокой активностью советских войск, значительным динамизмом и скоротечностью. Их продолжительность во фронтах составляла от четырех до девяти суток, а в армиях — от двух до шести суток.

Условия, в которых оказались войска прикрытия, привели к тяжелым потерям в личном составе и военной технике. Уже к исходу первого дня войны в 28-м стрелковом корпусе 4-й армии сохранили боеспособность лишь два полка 42-й стрелковой дивизии, которые дислоцировались на некотором удалении от границы. Через 36 часов после начала военных действий в 22-й танковой дивизии этой же армии осталось всего 40 танков из 235. За первые два дня войны 11-й механизированный корпус 3-й армии потерял 369 танков, в строю осталось только 45 боевых машин. 27-я стрелковая дивизия той же армии потеряла до 40 % личного состава и вооружения, а в 56-й стрелковой дивизии осталось всего около 800 человек. 12-я армия за четыре дня войны потеряла убитыми, ранеными и без вести пропавшими 37 173 человека. Потери 8-й армии за первые десять дней войны составили 54 тыс. человек, или 65 % состава армии, более 3 тыс. автомашин (6652 единицы), около 1230 орудий и минометов всех калибров (67 %), 755 танков (95 %). В этих сражениях объединения прикрытия потеряли 28 дивизий (12 стрелковых, 10 танковых, 4 моторизованные, 2 кавалерийские), а остальные соединения имели менее 50 % личного состава и военной техники от первоначального состава.

За короткое время войска Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов, потерпев серьезное поражение, не выполнили возложенных на них задач. Оборонительные действия армий, целью которых было обеспе-

чение развертывания и переход в наступление главных сил, вместо запланированных 15–20 суток, продолжались 2–5 суток. Это во многом и предопределило вынужденный отход советских войск в глубь страны.

Таким образом, тяжелое положение, в котором в начале войны оказались советская страна и ее Вооруженные силы, сложилось, прежде всего, в результате просчетов и грубых ошибок, допущенных военно-политическим руководством при оценке агрессивных планов Германии в целом. Высшими руководителями страны не была своевременно решена главная задача — приведение соединений и частей армий прикрытия западных приграничных округов в готовность к отражению агрессии.

Накануне агрессии советское руководство недооценило опасность войны, считая, что, в случае ее возникновения, военные действия сразу же будут перенесены на территорию врага. Оно ориентировало себя и войска на легкую победу. Поэтому первые оборонительные операции советским командованием в полном масштабе не рассматривались, так как приоритет отдавался наступлению. Именно в ошибочности ряда теоретических положений, а также в просчетах военного руководства в планировании первых оборонительных операций кроется одна из основных причин неудачного исхода приграничных сражений для советских войск. Ошибочные взгляды советского командования на характер действий противника с началом вторжения, закрепленные в оперативно-стратегических планах страны, существенно повлияли не только на исход приграничных сражений, но и в целом на начальный период войны.

Готовность армий прикрытия к отражению агрессии в значительной степени была связана с качеством планирования. Оперативно-стратегические планы были разработаны незадолго до начала войны. В целом они отвечали сложившейся теоретической концепции на начальный период войны, содержали немало рациональных решений. Однако претворить их в жизнь своевременно не удалось. До непосредственных исполнителей они не всегда своевременно доводились, так как непрерывно изменялись и уточнялись. Внезапность начала военных действий противником в планах не учитывалась, а так как вооруженные силы СССР и Германии к 22 июня 1941 г. находились в неравном боеготовом состоянии, то планы советского командования заранее обрекали войска на неудачу. Другие ва-

рианты действий не отрабатывались. Вряд ли планирование можно было назвать реальным из-за того, что значительной части войск, предназначенных для прикрытия государственной границы, не существовало. Не предусматривали планы и длительного ведения оборонительных действий, не говоря уже о глубоком построении обороны.

К существенным недостаткам планирования можно отнести и то, что наиболее сильные группировки советских войск были размещены в белостокском и львовском выступах. Но именно под основания этих выступов немецкое командование и намеривалось нанести свои главные удары. При создании группировок войск слабо учитывалась их реальная дислокация. Порой они должны были выдвигаться в свои районы оперативного предназначения вдоль фронта, в непосредственной близости от государственной границы. Какого-то другого варианта занятия обороны предусмотрено не было, как не была проработана и возможность перехода советских войск к обороне вблизи мест их постоянной дислокации. Иными словами, уже сама организация прикрытия предопределила поражение советских войск.

К началу войны общее соотношение сил между первым оперативным эшелоном прикрытия советских войск и армий вторжения противника было в пользу Германии как по численности войск, так и по количеству дивизий, орудий и минометов. Только по танкам и самолетам объединения прикрытия имели превосходство. С учетом же качественного состояния сил сторон преимущество было на стороне противника. Особенно в сложном положении оказались соединения и части Красной армии на направлениях главных ударов противника, где он имел трех-четырёхкратное превосходство.

С началом агрессии противник, умело используя наши ошибки и просчеты, решал свои задачи главным образом за счет подвижных войск, поддержанных авиацией. Они наступали на широком фронте и на значительную глубину, в высоких темпах и с решительными целями. Захватив стратегическую инициативу, противник осуществлял глубокие обходы советских войск, окружал и уничтожал их, чтобы воспре-

пятствовать их отходу в глубь страны. Противник захватывал коммуникации и важные в стратегическом и оперативном отношении районы, срывал мобилизацию и планомерное развертывание войск приграничных военных округов.

В этих условиях следовало бы возможно быстрее перевести военные действия на рельсы позиционной войны. Однако сделать это было непросто, потому что стратегическая оборона заранее не планировалась. Более того, основы ее организации пришлось разрабатывать уже в ходе начавшейся войны. Войска, оставив оборудованную в инженерном отношении полосу обороны и укрепленные районы, не имели возможности создавать оборонительные рубежи в глубине территории, так как противник, обладая стратегической инициативой и господством в воздухе, не давал отходившим соединениям возможности организованно перейти к обороне.

И все же первые дни войны, когда начались приграничные сражения, несмотря на всю их трагичность, состоят не из сплошных «черных пятен». В них переплелись массовый героизм воинов со случаями паники и неорганизованности, мужество и умелые действия многих командующих и командиров с бездарностью и неорганизованностью некоторых из них. Поэтому к оценке событий первых дней войны необходимо подходить неоднозначно, учитывая все присущие им противоречия и сложности.

В заключение необходимо подчеркнуть еще одну немаловажную деталь. Безусловно, начальный период войны непосредственно влияет на весь дальнейший ход вооруженной борьбы, так как именно на этом этапе обеспечивается организованное вступление вооруженных сил в войну. Следует отметить, что Россия никогда не была готова к началу войны. Это относится к 1812, 1904, 1914, 1941 годам. Мы всегда учились воевать уже в ходе военных действий. В связи с этим опыт начального периода минувшей войны не утратил своего значения и сегодня. В июне 1941 г. войска западных приграничных округов находились на грани катастрофы. Потребовались колоссальные усилия всей страны, чтобы изменить ход вооруженной борьбы в свою пользу.

¹ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Архивные документы. Т. 1. Кн. 1. С. 269. Кн. 2. С. 71.

² Там же. Кн. 2. С. 206–207.

³ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 1–15.

- ⁴ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Архивные документы. Т. 1. Кн. 1. С. 278.
- ⁵ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.
- ⁶ ЦАМО РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21.
- ⁷ ЦАМО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 117–119.
- ⁸ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.
- ⁹ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Архивные документы. Т. 1. Кн. 2. С. 48.
- ¹⁰ ЦАМО РФ, Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1–2.
- ¹¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1974. С. 110.
- ¹² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 234–235.
- ¹³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 564. Л. 2–12, 28.
- ¹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 239–240.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11624, Д. 28. Л. 42.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 33.
- ¹⁷ Василевский А. М. Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 8–11.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 19а. Оп. 1970. Д. 20. Л. 24; Ф. 124. Оп. 12915. Д. 34. Л. 2–4.
- ²⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990, Т. 2. С. 29.
- ²¹ Там же. С. 30.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 235. Л. 86–109; Д. 243. Л. 228–230; Д. 253. Л. 47–50; Д. 262. Л. 81–95.